

УДК 398.3
ББК 63.534

ОБ ОДНОМ ОБЫЧАЕ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ СВАДЬБЫ «БОЛЬШОГО ПРИАРГУНЬЯ»¹

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КЛЯУС

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069,
г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

***Аннотация.** Статья посвящена одному из обычаев русской свадьбы, который когда-то бытовал в Восточном Забайкалье у забайкальских казаков, — рвать одежду на родителях жениха, если они женили своего последнего сына. Данный обычай в настоящее время сохранился только в свадебной традиции китайских русских, проживающих в так называемом Трехречье — на китайском правом берегу пограничной реки Аргунь, став в этом регионе Китая одной из отличительных черт русской свадьбы. Исследователи свадебных традиций забайкальского казачества (Н. Кашин, К. Логиновский и др.) не отмечали в своих работах данный обычай, что было связано с его периферийностью по отношению к свадебному торжеству в целом. В русской традиции схожих обычаев не существует, но подобные игровые действия встречаются в украинской свадебной традиции, причем на достаточно обширной территории. Показательно, что исследователи «весілля» также не придают им особого значения, рассматривая их в общем ряду шуток и забав второго дня. Бытование свадебного обычая рвать одежду на родителях жениха у забайкальских казаков может указывать на то, что в состав Забайкальского казачьего войска при его формировании включались и переселенцы из украинских земель. Особо следует отметить, что и на Украине, и у забайкальских казаков (в том числе их потомков), и у современных китайских русских обычай рвать одежду при общем сходстве обладает определенным своеобразием.*

***Ключевые слова.** Приаргунье, Восточное Забайкалье, Трехречье, Китай, свадьба, забайкальские казаки, китайские русские.*

Большим Приаргуньем я называю приграничный район бассейна реки Аргунь, которая разделяет Россию и Китай, Забайкальский край Российской Федерации и Хулунбуирский аймак Автономного р-на Внутренняя Монголия КНР. С 1920-х по 1950-е гг. XX столетия по обе стороны реки проживали русские. Убегая в Китай из Советского Забайкалья в течение первого десятилетия после окончания Гражданской войны, пока граница была открытой, казаки Забайкальского

казачьего войска и другое население российского Приаргунья оставались жить, в частности, в Трехречье — территории бассейна трех правых притоков Аргуни (Гана, Хаула, Дербула). По существу, почти три десятилетия, несмотря на разделенность границей, «Большое Приаргунье» оставалось единым в фольклорно-обрядовом отношении, хотя политические, социальные и экономические факторы, конечно, исказили это единство. Но если они и влияли на характер бытования того

¹ При поддержке гранта РГНФ № 14-04-00449.

Кадр видеозаписи русско-китайской свадьбы в п. Шивэй (КНР). 1996

Video frame of the Russian-Chinese wedding in Shivey village (China). 1996

или иного жанра, обычая или обряда (это относится в первую очередь к российской территории, где шла антирелигиозная борьба, происходили рассказывание и раскулачивание, создавались колхозы, переживались трудные годы Великой Отечественной войны и пр.), в сознании людей, которые родились и выросли в предреволюционный период, сохранялся общий фольклорный фонд. После 1950-х гг., когда подавляющее большинство русских покинули Трехречье, некогда единая традиция, как большая река, разделилась на несколько ручейков, каждый из которых продолжает нести черты некогда общей «материнской» культуры и приобретает нечто особенное, обусловленное специфическим контекстом бытования.

В Трехречье наследниками традиционного фольклора и обрядовой культуры русского дореволюционного населения Восточного Забайкалья являются потомки русско-китайских браков, а точнее, старшее поколение китайских русских — одной из малочисленных этнических групп современного Китая (см.: [Кляус 2008; Янков, Тарасов 2012]). В российском Приаргунье ее наследники — это потомки казаков, приисковых рабочих, крестьян и жителей небольших городов Восточного Забайкалья. Это собственно главные ветви некогда единой традиции. Кроме них, она ручейками растекалась по Сибири, Казахстану, Австралии, Америке и другим странам, куда судьба разбросала из Китая русских трёхреченцев после 1950-х гг.

В настоящей статье я остановлюсь только на одном обычае русской свадебной традиции «Большого Приаргунья». Вообще свадьбе казаков Восточного Забайкалья в значительной степени «повезло». Первая статья о ней под названием «Свадебные обычаи приаргунцев» появилась в 1860 г. в «Записках Русского географического общества». Написал ее Н. И. Кашин, служивший лекарем 1-й пешей бригады только что созданного Забайкальского казачьего войска [Кашин 1860]. Затем была фундаментальная работа К. Д. Логиновского «Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья» [Логиновский 1899], раздел в «Сборнике песен Забайкальского казачьего войска» [Сборник 1916] и недавно вышедшее сводное издание «Забайкальская казачья свадьба», подготовленное

В. С. Левашовым на основе дореволюционных публикаций [Свадьба 2010]. Кроме того, материалы по русской свадьбе Восточного Забайкалья включались в работы Р. П. Потаниной, занимавшейся изучением свадебных традиций Сибири [Потанина 1979, 1981, 1984]. Свадьбу в Трехречье, точнее, ритуальные особенности одной из ее разновидностей — «свадьбы убёгом», которую ранее исследователи упоминали лишь кратко, описал В. А. Кормазов [Кормазов 1929, 41].

Во всех этих трудах, за исключением статьи В. А. Кормазова, большое внимание уделялось свадебной поэзии: песням, приговорам дружки и даже заговорам, которые использовались, к примеру, для ограждения свадебного поезда от нежелательного магического воздействия, были направлены на порчу молодых, на возбуждение любовных чувств или, наоборот, на их прекращение. Собственно ритуалам, обычаям, приметам, шуткам, забавам и прочим действиям, представляющим неотъемлемую часть любого свадебного торжества, длившегося несколько дней, отводилось неоправданно мало внимания. Именно поэтому мы знаем о традиционной казачьей свадьбе Приаргунья и Восточного Забайкалья в целом достаточно много и одновременно мало. Никто из исследователей, например, не зафиксировал свадебного обычая рвать на родителях жениха одежду, если они женили своего последнего сына.

Об обычае рвать на родителях одежду рассказывают бывшие русские трехреченцы, выехавшие из Китая в конце 1950-х гг., что является самым важным

доказательством его бытования у приаргунцев в дореволюционный период. Оказавшись волей судьбы вдалеке от своей исторической родины — Приаргунья, потомки забайкальцев сохраняли этот обычай достаточно долго. По словам П. Е. Кокухина, трехреченца по рождению, проживающего сейчас в Омске: *«На родителей на завтра или там через два дня рвали одежды верхние. Это. Это соответствует действительности. Это дей... действительно русский обычай, и он именно забайкальский обычай»*. На мой вопрос, был ли он свидетелем его исполнения, Павел Ефимович ответил: *«В семьдесят четвертом году родители выдавали замуж свою дочь, вот о которой я говорил, сестрёнка младшая. Значит. Ну, даже вот в Казахстане в семьдесят четвертом году, вот этот обычай... Ну, он так не натурально, а какие-то попытки были вот там порвать платье на маме... Ха-ха-ха. (Смеется.)»* (Зап. от П. Е. Кокухина, 1939 г.р., г. Омск. Соб. В. Л. Кляус. 2014 г.) [Архив ИМЛИ 2014].

Павел Ефимович родился в станице Драгоценка, которая когда-то была центром Трехречья (сейчас это п. Саньхэ). Его дед, забайкальский казак, родом из с. Кузнецово, административно принадлежащего сейчас Александрово-Заводскому р-ну Забайкальского края. В этом селе мне не доводилось бывать, лишь в соседних с ним Шаре, Шаракане, входивших когда-то в Донинскую станицу. Но о рассказанном П. Е. Кокухиным обычае я там не слышал.

Трехреченских земляков П. Е. Кокухина судьба разбросала по всей России и за ее пределами. В социальной сети «Одноклассники» существует группа «Мои забайкальские предки». Администратор группы Анна Гаас (Шукина) дала ей следующую аннотацию: «Все, чьи предки были забайкальскими казаками, жили на чужбине в Китае, и нам, их потомкам, посвящается работа этой группы». К декабрю 2014 г. в ней было зарегистрировано 1088 участников. Мной была создана тема, в которой я предложил обсудить свадебный обычай, написав буквально следующее: «Уважаемые трехреченцы! Когда-то в Трехречье на свадьбу, если женился последний сын или выходила

замуж последняя дочь, родителям на второй-третий день свадьбы символически в игровой форме рвали одежду. Они специально надевали что-то старое для этого. Сохраняется ли этот обычай сейчас?» Затем дополнительно задавался вопрос о том, важно ли, чтобы одежда, которую рвут, была какого-то определенного цвета.

Ответы и обсуждение не заставили себя ждать. Их оказалось немного, но в целом они весьма показательны²:

«Я младший сын у тятки, и тятка жил у нас с Надеждой до смерти и похоронили в 1984 г. в Кустанае. Я женился в 1973 г., и у нас на свадьбе этот обычай был проведен на второй день (мы тогда жили в Затоболовке г. Кустанай. Казахстан). С тятки и с мачехи оборвали верхнюю одежду. Ну а потом мы с женой им купили новую одежду. <...> Кстати, какого цвета и фасона <была одежда> определенно не имело значения, но отец знал и, перед тем как рвать на нем одежду, он переоделся в более старую одежду. Например, штаны он одел ватные» (Алексей и Надя Тюкавкины, 63 года, место жительства — с. Русская Халань, Белгородская обл.) [ПМА 2014].

«Мои родственники жили в Драгоценке, потом в Кустанайской области, а сейчас мы живём в г. Йошкар-Ола Республика Марий Эл. Обычай рвать одежду соблюдали и в Кустанайской области, и сейчас в Йошкар-Оле пытаемся. В нашей семье до сих пор на свадьбах рвут одежду на родителях на второй день, а молодые их одевают во все новое!!! И подрастающее поколение не собирается забывать этот обычай наших дедов!!! Всем гостям очень даже нравится, хотя сначала в ШОКЕ!!! <...> Никакого значения цвет одежды <которую рвут> не имел. Главное, чтобы не жалко было расстаться с нарядом!!! Новую одежду покупали заранее, чтобы сразу же на свадьбе переодеть родителей» (Елена Побережная, 48 лет, место жительства — г. Йошкар-Ола) [ПМА 2014].

«Двадцать пять лет назад я была на свадьбе моего троюродного брата в п. Милютинка Джетыгаринского района Кустанайской области. Так вот на второй день свадьбы по старому обычаю на моей тетке (матери жениха) порвали

² Материалы хранятся в личном архиве автора [ПМА].

платье, а невеста (сноха) одела на неё заранее приготовленное новое платье. Так что традиции сохраняются. Помню, что платье тётя Надя надела заранее старое, поношенное. Мы были девочками и об этой традиции не знали, и нам было вначале дико, когда новоявленная сноха начала рвать на ней платье. Но потом нам объяснили, что это обряд» (Елена Сафронова, 45 лет, место жительства — г. Челябинск) [ПМА 2014].

«И в Союзе продолжалась эта традиция. Я была на свадьбе у двоюродного брата в Красноярске, а там полдома живут — все с Китая и все родственники между собой причём (староверы). Вы не поверите, я была в шоке, когда мои дядя с тётей на свадьбе одетые были в старьё и потом на них всё рвали — весело и смешно. Я такого не видела, а тут последнего женили, на лоскутки все изодрали — дядя на балкон убежал в женских колготках! Смеху было! Это было где-то в 80 годах» (Таисия Мальчикова (Дулимова), 72 года, место жительства — г. Красноярск) [ПМА 2014].

«Раньше у нас тоже был этот обычай, последнее время стало забываться, но иногда вспоминаем — проходит весело под музыку. Вот про сына у нас точно рвали, а вот <на свадьбе> девчонок я что-то не помню. <...> Цвет одежды не имел значения, обычно рвали уже поношенную одежду, но имевшую приличный вид, или которая не к душе. Старались выбрать покрепче, чтобы не могли порвать, все сопровождается под музыку с шутками, пляской. Кусочки-веревочки каждый из гостей привязывали себе на одежду. Одевала родителей сноха — заранее покупалось все. Покупает сама невеста» (Александра Фомина (Зотеева), 57 лет, место жительства — г. Курган) [ПМА 2014].

Таким образом, можно предположить, что исследователями свадьбы в Забайкалье (К. Д. Логиновским, Н. И. Кашиным и др.) данный обычай просто не был замечен. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, второй или третий день, когда проводился обряд, интересовали их в меньшей степени. К примеру, К. Д. Логиновский в своей работе из 94 страниц посвятил второму дню лишь полторы страницы в разделе «Похмельные столы» [Логиновский 1898, 93, 94]. В. С. Левашов в компилятивном сборнике «Забайкальская казачья свадьба» второй и другие дни

свадьбы также кратко описывает в большом разделе «Послесвадебные обычаи» [Свадьба 2010, 182–184]. Во-вторых, учитывая, что семьи, как правило, были большими (нередко число детей доходило до десяти), обычай соблюдался далеко не на каждой свадьбе.

Об этом обычае сегодня совершенно никто не помнит в российских приаргунских поселениях, значительная часть которых — это бывшие казачьи станицы. Респонденты, с которыми мне довелось проводить интервью, в силу своего возраста обычно выходили замуж/женились в 1940–1950 гг., когда свадеб как таковых вообще не устраивали: люди просто сходились и жили, делали небольшое застолье, на котором собирались самые близкие. В китайском Трехречье эти годы были еще достаточно благополучными. К сожалению, из тех китайских русских, с кем мне приходилось общаться, лишь единицы непосредственно участвовали в свадебном действе. Тем не менее от многих собеседников-метисов, прежде всего женщин, удавалось получить достаточно подробные описания свадьбы, которых в российском Приаргунье уже не услышишь.

Именно поэтому при стихийном возрождении русских традиций в Трехречье (см: [Кляус 2012]) во многих чертах восстановилась и русская свадьба. На ней присутствуют и «трудные задачи», которые должен преодолеть жених со свахой и друзьями, прежде чем он попадет в дом, где находится невеста (эти задачи состоят исключительно в необходимости выпивать предлагаемые партией невесты стаканы с водкой); женихом и его друзьями обязательно выкупается место рядом с невестой, которая сидит за столом, когда они заходят за ней в дом; при движении свадебного поезда по поселку ему перекрывают дорогу и требуют выкуп за то, чтобы пропустить дальше, и пр. Современные китайские русские Трехречья сохранили и обычай рвать одежду родителей жениха, если они женят самого младшего, последнего из своих сыновей (у отца — брюки, у матери — юбку). Более того, это является одной из наиболее характерных черт русской свадьбы: «Здесь же у нас полукровок много. Оне с нами привыкли. Гуляют с нам по-русски, танцуют, песни поют. Да вот свадьбы.

Сын малый женится. На папке, на мамке рвут. <Что делают?> Но вот сейчас самый малый же сын женится, мать юбку шьёт, и отец чё-нить приготавливает. Порвут юбку и порвут брюки ему. Самый малый сын женится. <Соб.: Это у русских так раньше было?> Да, у русских. А потом жених с невесткой уж приготовят, надеют <новую одежду>. У нас здесь так. Самый малый приженится, всё прервут. Всё прервут. По-русски» (Зап. от Т. Н. Петуховой, 1931 г.р., русской, Эньхэ) [ИМЛИ 2007].

Яркой чертой свадебного ритуала китайско-русских метисов считают данный обычай и китайские этнологи. «На свадебных торжествах существует еще один особенный обычай, которого нет ни в ханьской культуре, ни в культуре других нацменьшинств. А именно — если жених является младшим ребенком в семье, то старшие гости, улавливая момент, срывают юбку или брюки с родителей жениха и все дружно смеются. Таким образом, молодоженам в первую очередь желают уважать старших и не обижать и любить младших, желают трудолюбия и бережливости, а также умеренности и экономии. Во-вторых, им желают гармонии и счастья, счастливого супружества до глубокой старости и уважения друг друга, и, в-третьих, это показывает, что большое празднование по случаю женитьбы младшего сына состоялось. В некоторых районах такая традиция только еще больше набирает силу в наши дни. Вплоть до того, что юбки и брюки скидывают братья и сестры и друзья жениха»³ [Хроника 2007, 453].

Судя по имеющимся материалам, бытуя у китайских русских, обычай несколько изменился. Рвать одежду на отца и матери могут уже и в первый день свадьбы, одежда для этого ритуала шьется специально, при этом она должна быть определенных цветов:

«Раньше-то как рвали! Всё это старо наденуть, наденут, ага, юбку, рубаху. Отец наденет. Но ему это старое изорвут. Нову наденут. А сейчас ни, ни имям это — всё надо ново. Где старо-то? Сейчас всё нову сошьют юбку, ну ему эту визиточку, ему это отцу сошьют. А там вот эдакэдак наделают назлецам-то <ножницами> вот этак, чтоб ловчее рвать-то. <...> Попляшат. Вот эдак разорвут,

попляшут, опять разорвут. Потому-ка тама-ка эта рукав — всё оторвут у тебя. Но и вот этак ленточки болтаются, и пляшут вот этак. <...> Красное! Это чтоб у матери-то! А у отца — зелёна! <...>. Но, красенки цветки, какие вот это у мамы. Она обязательно красно. Это свадьба чтоб красная жа. Она жа! 喜事嘛, 就得红的。(Свадьба же, надо красно.) Всё надо красно. А отец-то как будто листочек. У его надо это зелёна. А мать быдто как цветок. Будто красенький. Вот. <...> У матери чтоб красенки юпочка была, а у отца чтоб зелёньке было» (Зап. от А. Н. Первухиной, 1953 г.р., метиски, Эньхэ. Соб. Р. П. Матвеева, А. Г. Игумнов, Е. Л. Тихонова) [ИМБТ 2010].

Функциональное назначение данного обычая можно определить следующим образом: знак перехода родителей в возрастную группу «стариков», когда они уже выполнили перед обществом свои обязанности воспитания детей, которые стали его самостоятельными членами со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями; знак того, что теперь дети будут заботиться о родителях, а самое главное — знак завершения детородной функции отца и матери, при котором совершается символическое разрушение их телесного низа. Интересно, что в китайском окружении обычай приобрел специфическую черту, развивая идею разрушения. Для китайской свадьбы одним из главных цветов является красный, символически обозначающий радость и праздник: «Это свадьба чтоб красная жа. Она жа! 喜事嘛, 就得红的。(Свадьба же, надо красно.) Всё надо красно». Именно поэтому, как объяснила Анна Никифоровна Первухина, одежда, которую рвут на матери тоже должна быть красного цвета: «У матери чтоб красенки юпочка была. Тем самым мать как бы символизирует цветок: а мать быдто как цветок. Будто красенький». Отец же при этом должен быть одет в зеленое, символизируя листочек: «А отец-то как будто листочек. У его надо это зелёна».

За рамками этого наивного объяснения не осознается то, что цветок и листок рвут, уничтожают. И это при том, что респондентка хорошо понимает смысл обычая: «Она как будто, эта, мать с отцом это уж всех переженила. Эта последний сын, самый

³ Перевод А. А. Острогской.

старший сын. <Конечно же здесь исполнительница ошиблась, имеется в виду — младший.> Но она всё же их переженила. Но самый старший сын. Теперь она это, старо надо рвать. А ново надо одевать. Вот эдак. Ага. Вот. Она иням купят! Вот это, жених с невестой иням купят потомка. Юбку купят и эта, — визитку» (Зап. от А. Н. Первухиной, 1953 г.р., метиски, Эньхэ. Соб. Р. П. Матвеева, А. Г. Игумнов, Е. Л. Тихонова) [ИМБТ 2010].

При знакомстве с данным обычаем возникает вопрос о его истоках. В русском свадебном ритуале ничего подобного не зафиксировано. Но вот в украинской «весильной» обрядности совершались похожие действия с одеждой родителей молодых или названной матери, когда на второй день свадьбы проводили так называемое «весілля батьків». К примеру, в XIX столетии в Полтавской губ. гости «меряли жито»: кружкой, считая их количество, сыпали зерно за пазуху «весільному матері». Насыпав последнюю кружку, рвали сорочку женщины в области груди и говорили «весільному батькові»: «Драний, тату, у твоєї жинки лантух!»⁴ На что тот отвечал: «Ні, він не драний, то він такий просторний!»⁵ [Онисько 1899, 155]. Происходило ли это на любой свадьбе или когда женили/выдавали замуж последнего ребенка, автор статьи «Весілля в Гадацькому пов. Полтавщині» не указывает. К трёхреченскому более близок обычай, который до сегодняшнего дня бытует на Ивано-Франковщине, в Сумской и Киевской обл.

Один из участников интернет-форума «Традиції завершення весілля» под ником Afedoren, судя по всему, музыкант по профессии, живущий в г. Ивано-Франковске, в 2010 г., в частности, написал: «У деяких селах газдам, які провадять останнє весілля рвуть на них одяг (штани, спідницю, сорочку, все в чому вони вдягнені). Це відбувається також на гостині (в неділю, другий день весілля).

*Газди намірено вдягаються в старий одяг, знаючи що їх чекає»*⁶ [Afedoren 2010].

По устному сообщению Светланы Маховской⁷ — сотрудницы Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рильского НАН Украины, — она и ее коллеги были свидетелями того, что одежду отца и матери, которые играли свадьбу последнего ребенка, рвали в селах Скобичивка и Манява Богородчанського р-на Ивано-Франковской обл., а также в с. Кошары Конотопского р-на Сумской обл. Украины. В последнем селе рвали одежду родителей после того, как им за пазуху высыпали зерно (см. выше описание данного обычая на Полтавщине в статье О. Гриши), а лоскутки от их одежды раздавали всем присутствующим на свадьбе.

В с. Саливинки Васильковского р-на Киевской обл. в 2007 г. свидетелем свадебного обычая рвать одежду на родителях был Павел Леньо⁸, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета. Одна из жительниц села рассказала об этом следующее. «Если это последняя свадьба в семье молодого (жениха), то на второй день свадьбы его родителей на больших санях (зимой) или обычной тачке (летом) гости везут в ближайшую реку/озеро или любой водоём. <...> Если рядом нет водоёма, то тогда просто поливают водой. Обязательно мажут грязью. Затем гости срывают одежду с родителей молодого. <...> После срывания старой одежды невестка дарит родителям жениха новую одежду, которую те и одевают уже после умывания» (Зап. от О. М. Пириг, 1981 г.р.) [Полевой дневник П. Леньо].

Валерий Старков, который по моей просьбе расспросил некоторых коллег-этнологов относительно рассматриваемой традиции, в частности, от Натальи Зеневич⁹ — сотрудницы Института украинской археографии и источниковедения НАН Украины, — узнал о том, что она была свидетелем бытования данного обычая на

⁴ «Драний, отец, у твоей жены мешок!»

⁵ «Нет, он не драний, это он такой просторный!»

⁶ «В некоторых селах хозяевам, которые проводят последнюю свадьбу, рвут на них одежду (штаны, юбку, сорочку, все в чем они одеты). Это происходит также на гостини (в воскресенье, второй день свадьбы). Хозяева специально одеваются в старую одежду, зная, что их ждет».

⁷ Выражаю благодарность Светлане Маховской за предоставленную информацию.

⁸ Выражаю благодарность Павлу Леньо за возможность ознакомиться с его материалами.

⁹ Выражаю благодарность Валерии Старкову и Натальи Зеневич за предоставленную информацию.

двух свадьбах в Киеве и Буче (Киевская обл.), игравшихся на рубеже 1990–2000-х гг. Жених на свадьбе в Буче был родом из Прикарпатья. Он был последним ребенком в семье, друзья на второй день в обед «после супа с курицей» принесли для его родителей поношенную одежду и начали публично переодевать в нее при общем веселье. Затем эта одежда была порвана в процессе «женитьбы» родителей. На киевской свадьбе выдавали замуж дочь, она также была последним ребенком у родителей. Интересно, что когда рвали юбку у матери невесты, то говорили, чтобы она ее не выкидывала, а хранила внуку или внучке на пеленки.

Исследователи, к сожалению, обращали мало внимания на данный обычай. Во всяком случае, в работах, посвященных украинской свадьбе, он практически не упоминается и не анализируется. Смеею предположить, что когда-то он имел более широкое бытование на украинских землях, чем сейчас.

В мою задачу не входит анализ украинских обычаев разрывания одежды на свадьбе. Но существование их аналогов в культуре забайкальских казаков, которое удалось установить благодаря исследованиям среди бывших и нынешних трехреченцев, в том числе китайских русских, явно указывает на «украинский» субстрат в забайкальском казачестве. К Забайкальскому казачьему войску, при его создании в 1851 г., как известно, были приписаны казаки приграничной линии, горнозаводские крестьяне, среди которых были и сосланные за Байкал после восстаний и бунтов донские и запорожские казаки, чьи предки жили когда-то в западных и западно-южных регионах Российской империи, вошедших впоследствии в состав современной Украины.

Характерной особенностью забайкальского/трехреченского обычая разрывать одежду на свадьбе является то, что совершался он только в том случае, если женился самый младший сын. Подобное

гендерное ограничение объясняется, прежде всего, тем, что на забайкальской свадьбе, когда жених увозил невесту из родного дома, ее родители не ехали с ней и не принимали участия в свадебных застольях и ритуалах первых двух дней. Кроме того, нельзя не учитывать, что казачья культура отличается своей акцентуацией на мужском начале: рождению, воспитанию и жизни казака всегда уделялось особое внимание (см.: [Кляус 2003]).

На территории Восточного Забайкалья, и в частности Приаргунья, как я уже указывал, данный обычай в настоящее время уже не бытует. Но определенная консервативность свадебных традиций позволила ему сохраниться некоторое время в семьях русских трехреченцев, выехавших из Китая и проживающих сейчас в Алтайском и Красноярском краях, в Курганской обл. Российской Федерации, в Кустанайской обл. Республики Казахстан и др. Однако именно Трехречье остается тем местом, где обычай рвать одежду на родителях младшего сына продолжает активное массовое бытование, став яркой микролокальной чертой «русской» свадьбы. Уменьшение числа детей в трехреченских семьях метисов — потомков русско-китайских браков, — на которое повлияла политика ограничения рождаемости в Китае, начавшаяся с 1970-х гг., привело к 1990-м и в последующие годы к увеличению частоты «последних» свадеб для родителей. Неожиданно этот обычай стал «массовым», а игровой характер способствовал росту его популярности, притом что улучшение благосостояния китайских русских вследствие их включения в список малочисленных народов Китая сказалось на увеличении размаха свадебного праздника. В начале XXI в. обычай рвать на родителях младшего ребенка одежду стал одним из символов «русской» трехреченской свадьбы, оставаясь в целом уникальным для русской свадебной традиции.

Литература

Кашин 1860 — Кашин Н. И. Свадебные обычаи приаргунцев // Вестник РГО. СПб., 1860. Ч. XXX. С. 147–182.

Кляус 2003 — Кляус В. Л. Мужчина-казак: идеал и реальность (по материалам казачьего фольклора Забайкалья) // «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2003. С. 34–35.

Кляус 2008 — Кляус В. Л. Русский фольклор в Трехречье (КНР) // Сибирские чтения в РГГУ: Альманах. М., 2008. Вып. 3. С. 5–21.

Кляус 2012 — Кляус В. Л. Крестовые горы в культурном пространстве Трехречья (КНР) // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 102–107.

Кормазов 1929 — Кормазов В. А. Трехречье (Из путевых заметок) // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1929. № 5. С. 38–47.

Логиновский 1898 — Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья // Записки Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 1–94.

Онисько 1899 — Онисько Г. Весілля в Гадяцькому повіті Полтавщині // Матеріяли до українсько-руської етнології. Львів, 1899. Т. 1. С. 11–156.

Потанина 1979 — Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1979.

Потанина 1981 — Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1981.

Потанина 1984 — Русская свадебная поэзия Сибири / Сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1984.

Сборник 2016 — Сборник песен Забайкальского казачьего войска. Чита, 1916.

Свадьба 2010 — Забайкальская казачья свадьба / Сост. В.С. Левашов. Новосибирск, 2010.

Хроника 2007 — Вековая хроника жизни русского национального меньшинства. 2007. На кит. яз.

Янков, Тарасов 2012 — Янков А. Г., Тарасов А. П. Русские Трехречья: история и идентичность. Чита, 2012.

Afedoren 2010 — Afedoren. Форум «Традиції завершення весілля». 2010. URL: <http://www.minus.lviv.ua/forum/thread/717> (дата обращения: 15 октября 2015 г.).

Сокращения

ИМБТ — Архив Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

ИМЛИ — Архив Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Поварская ул., д. 25а; тел.: + 7 (495) 690-50-30; e-mail: v.klyaus@mail.ru

---

ABOUT A CERTAIN RITUAL WITHIN TRADITIONAL RUSSIAN WEDDING IN “GREAT” BASIN OF ARGUN’ THE RIVER

VLADIMIR KLYAUS

(Institute of World Literature named after A. M. Gor’kiy, Russian Academy of Sciences: 25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *This paper concerns one of the rituals of Russian wedding, that has appeared in Eastern Trans-Baikal area among Trans-Baikal Cossacks, namely disrupting of bridegroom’s parents’ clothes, if it was the youngest son, who got married off. This custom is preserved nowadays only within wedding tradition, that appears among the Chinese Russians, who inhabit so-called Trekhrechè — region on the Chinese dexter bank of borderline Argun’ the river. For this region of China parents’ clothes disrupting functions as a distinctive feature of ethnicity, special of namely Russian wedding ceremonialism. Such researchers, as N. Kashin, K. Loginovskiy et al., who studied wedding traditions among Trans-Baikal Cossacks, didn’t mention this custom, due to its periphery position in the entire wedding ceremony. There in Russian tradition same customs don’t appear, but such playing acts appear in Ukrainian wedding tradition of vast territory. It is significant, that there in studies of Ukrainian wedding “vesillja”, no particular attention is paid to this clothes disrupting custom either, but it is mentioned among other jokes and funs of the second day. Appearance of the wedding custom of disrupting of bridegroom’s parents’ clothes among Trans-Baikal Cossacks may indicate, that the Cossack Host of Baikal incorporated settlers from Ukraine territories at the period of its formation. It is necessary to mention, that manifestations of the wedding custom of disrupting of parents’ clothes, that appear either in Ukraine or among Trans-Baikal Cossacks and their descendants and Chinese Russians are marked with certain diversity despite general similarity.*

Key words: basin of Argun’ the river, “Trekhrechè” (Interfluve of 3 rivers), Eastern Trans-Baikal area, China, wedding, Trans-Baikal Cossacks, Chinese Russians.

Acknowledgements: This research is supported by the grant of the Russian State Fund for Humanities No. 14-04-00449.

References

Kashin N. I. (1860) Svadebnye obychai priarguntsev [Wedding customs among Residents of Argun' the River's Basin]. *Vestnik Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Geographical Society]. Part 30. St. Petersburg. Pp. 147–182. In Russian.

Klyaus V. L. (2003) Muzhchina-kazak: ideal i real'nost' (po materialam kazach'ego fol'klora Zabayka'l'ya) [Male Cossack: Ideal and Reality (based on the Trans-Baikal Cossack Folklore)]. «Muzhskoe» v traditsionnom i sovremennom obshchestve [“Male” Essence in Traditional and Modern Society]. Moscow. Pp. 34–35. In Russian.

Klyaus V. L. (2008) Russkiy fol'klor v Trekhrech'e (KNR) [Russian Folklore of Trekhrech'e (China)]. *Sibirskie chteniya v RGGU* [Siberian Readings in the Russian State University for Humanities]. Almanac. Moscow. Release 3. Pp. 5–21. In Russian.

Klyaus V. L. (2012) Krestovye gory v kul'turnom prostranstve Trekhrech'ya (KNR) [Cross Mountains in the Cultural Space of Trekhrech'e (China)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture]. 2012. No. 3. Pp. 102–107. In Russian.

Kormazov V. A. (1929) Trekhrech'e (Iz putevykh zametok) [Trekhrech'e (From Travel Notes)]. *Vestnik Manchzhurii* [Herald of Manzhouli]. Harbin. No. 5. Pp. 38–47. In Russian.

Loginovskiy K. D. (1899) Svadebnye pesni i obychai kazakov Vostochnogo Zabayka'l'ya [Wedding Songs and Customs of the Cossacks of Eastern

Trans-Baikal Area]. *Zapiski Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Amur Branch of the Russian Geographical Society]. Vol. 5. Issue 2. Khabarovsk. Pp. 1–94. In Russian.

Onis'ko G. (1899) Vesi'llja v Gadjac'komu poviti u Poltavshhyni' [Wedding in Hadyach County of Poltava Region]. *Materyjaly do ukrai'nsko-rus'koi' etnologii'* [Materials for Ukrainian-Russian Ethnology]. Lviv. Vol. 1. Pp. 11–156. In Ukrainian.

Potanina R. P. (ed.) (1979) Russkie svadebnye pesni Sibiri [Russian Wedding Songs of Siberia]. Novosibirsk. In Russian.

Potanina R. P. (ed.) (1981) Obryadovye pesni russkoy svad'by Sibiri [Ritual Songs of Russian Wedding in Siberia]. Novosibirsk. In Russian.

Potanina R. P. (ed.) (1984) Russkaya svadebnaya poeziya Sibiri [Russian Wedding Poetry of Siberia]. Novosibirsk. In Russian.

Sbornik pesen Zabayka'l'skogo kazach'ego voyska (1916) [Collection of Songs of the Trans-Baikal Cossack Host]. Chita. In Russian.

Levashov V. S. (comp.) (2010) Zabayka'l'skaya kazach'ya svad'ba [Trans-Baikal Cossack Wedding]. Novosibirsk. In Russian.

Vekovaya khronika zhizni russkogo natsional'nogo men'shinstva (2007) [The Centenary Chronicle of Life of the Russian National Minority]. In Chinese.

Yankov A. G., Tarasov A. P. (2012) Russkie Trekhrech'ya: istoriya i identichnost' [Trekhrech'e Russians: History and Identity]. Chita. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: v.klyaus@mail.ru

Tel.: + 7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Full Professor (Philology), head of Folklore department, Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences

---